

О выборах, детях и ценностях

Цифровыми технологиями сейчас никого не удивишь, вот и телевидение в школах – вещь, как выяснилось, не такая уж редкая. В иркутской школе №63 есть свой канал, который вещает во время перемен, развлекает и информирует, есть и собственная газета «Шестидесят третья параллель». Школьная жизнь для большинства из нас осталась где-то в другой временной параллели, и если и хочется в нее вернуться, то только на минутку. А кто-то выбирает школьную стезю навсегда. Так, с мыслью поработать годик, в школу пришла Татьяна Машкова. За последние несколько лет ей дважды предлагали стать директором, но свою параллельную реальность учителя она пока не готова менять на годовые бюджеты МБОУ, приказы и прочую бумажную суету. Хотя одной общественной нагрузке она верна уже более 15 лет. Каждые выборы председатель участковой избирательной комиссии Татьяна Машкова собирает свою команду, скрупулезно и тщательно готовится к дню голосования.

– Татьяна Вениаминовна, расскажите, какие выборы особенно запомнились за эти годы?

– Пожалуй, выборы в Государственную Думу в 2011 году. У нас работали наблюдатели-иностранцы, они присутствовали на участке при подведении итогов голосования, ездили вместе с нами сдавать итоговые протоколы. Это были представители Голландии и Германии. Особенно запомнилась голландец, который очень внимательно наблюдал за всем процессом. Вели себя гости корректно, доброжелательно, в конце поблагодарили за качественную работу. Не могу сказать, что мы особенно волновались, но некой торжественности их присутствие прибавило.

– Как вы впервые пришли на выборы?

– Когда пришла на работу в эту школу в 1997 году, меня сразу привлекли к работе в участковой комиссии (УИК). В 2005 году меня назначили заместителем директора, а, кроме того, «по наследству» достались обязанности председателя УИК (их исполняли и предыдущий замдиректора).

Сейчас номер нашей комиссии – 724, в составе трудятся 13 человек, часть являются работниками школы, часть – представители партий. Нам повезло, что на протяжении многих лет у нас работают одни и те же люди от «Единой России», ЛДПР, КПРФ. Команда у нас дружная, действуем как одно целое. Вечером в день голосования, если всё благополучно прошло, завершаем работу за одним столом, благодарим друг друга, режем тортик, пьем чай.

Как правило, самые тяжелые выборы – местные: бурно проходят выборы в Законодательное Собрание, думу Иркутска. Агитацией кандидаты атакуют горожан, а к нам каждый кандидат присылает наблюдателей, и они не всегда ведут себя спокойно на участке. Но мы не робеем, на нашей стороне закон и опыт работы. А если кто-то особенно буйнит, привлекаем полицию.

– Выборы – вещь судьбоносная, вам как учителю истории интересно через призму своего предмета рассматривать работу избирательной системы?

– Конечно, работа на выборах мне близка изначально: я преподаю историю и обществознание. Но я вам больше скажу: у нас есть третий предмет – это право. И на этих уроках мы с ребятами изучаем основы конституции, законодательство о выборах. В апреле же ученики «обкатывают» изученный материал на практике – на выборах лидера ученического самоуправления.

– Вы следите, наверное, за изменениями избирательного законодательства, вокруг этого процесса идут постоянные споры. Ваше ощущение: у нас стало больше демократии или нет?

– Я вижу, что система организации выборов совершенствуется. Мое личное мнение: есть смысл поработать с законом о партиях. Главные партии в стране уже много лет не меняются, 7-процентный барьер преодолевали одни и те же политические игроки. Хотя, с другой стороны, я помню, каким огромным был бюллетень, когда в него вошли представители всевозможных партий, включая Партию любителей пива. Зачем такие объединения вообще идут на выборы? Не ясно. Впечатления, что демократия ушла, у меня нет. Я к ней как историк неоднозначно отношусь, тем более мы видим, как сейчас демократию понимают те страны, которые являются ее родиной. Там демократия стала чем-то формальным.

Сегодня мы работаем с комплексами обработки избирательных бюллетеней (КОИБ), под наблюдением видеокамер, и это хорошо. Весь цивилизованный мир стремится к прозрачности процесса голосования. Мы обеспечиваем право выбора всем, в том числе инвалидам, – это достижение нашей избирательной системы. Члены комиссии выезжают по просьбе всех, кто в этом нуждается, для голосования на дому. Кстати, у нас на участке есть свой необычный избиратель, любимый, можно сказать. Это бабушка Францис-

Татьяна Машкова (вторая справа) с депутатом Алексеем Колмаковым

«ТЕСТОВАЯ ФОРМА СДАЧИ ИТОГОВОЙ АТТЕСТАЦИИ СИЛЬНО СНИЗИЛА УРОВЕНЬ РАЗГОВОРНОГО МАСТЕРСТВА У ШКОЛЬНИКОВ».

ка Концевич, ей больше 90 лет. Мы восхищаемся ее жизнелюбием, остроумием. В день голосования она нас всегда ждет. И каждый раз родные говорят: «Ну ты, бабуля, партизанка, опять комиссию вызвала и никому не сказала?» А ей, видимо, приятно самой позвонить, принять нас, возможно, так она показывает свою самостоятельность, значимость.

– Давайте вернемся к разговору о школьных выборах. Какая структура у школьного самоуправления?

– У нас действует общешкольный ученический совет, который возглавляет председатель. Члены совета собираются раз в неделю по вторникам, в совет входит представитель от каждого класса, начиная с пятого, всего 27 человек. В совете действуют свои комитеты по нескольким направлениям: спортивному, творческому, учебному.

– Есть какие-то вопросы, которые реально удалось решить благодаря участию совета, или у вас просто «игры в парламент»?

– «Играть в парламент» тоже нужно, так дети изучают взрослую жизнь, примеряют разные модели поведения. А последний серьезный вопрос, который удалось решить, это введение школьной формы. Два года назад вышло постановление, в соответствии с требованиями которого мы должны были ввести школьную форму, разработать свой стиль. Столько лет ее не было, и вдруг детей обязали одеться одинаково. Этот вопрос мы решали, естественно, через родителей, но и среди них не все приняли эту ситуацию. Стало понятно, что нужно было выходить на детей, которые убедят и сверстников, и родителей. Тогда школьный совет очень помог. Мы совместно с детьми разработали шаверон с логотипом школы, провели показ мод

с участием наших ребят. Ситуация сгладилась, пришло понимание, что форма – это интересно и даже модно.

– Кто больше противился нововведению – более обеспеченные ученики, для кого одежда была атрибутом благополучия, или менее состоятельные, кому форма была не по карману? Или это просто подростковое сопротивление инициативе «сверху»?

– На мой взгляд, поведение детей не зависит от финансового состояния. Есть обеспеченные воспитанники, дети, они очень хорошо идут на контакт, понимают, чего от них хотят. В большей степени все эти вопросы зависят от воспитания и отношений в семье.

– Говорят, у вас какое-то особенное событие произойдет 1 сентября этого года?

– Да, на линейку члены совета готовят презентацию, в которой объявят планы на будущее и дадут настрой на весь год, а все ученики смогут выбрать, в чем участвовать, где свои силы приложить.

Школьное самоуправление у нас работает лет тринадцать, полноценные выборы в состав совета мы проводим уже восемь лет подряд. В школьной избирательной комиссии задействованы только ученики 10-х классов, у одиннадцатиклассников другие задачи – подготовка к ЕГЭ.

«МНЕ КАЖЕТСЯ, СВОЙ ВКЛАД В УКРЕПЛЕНИЕ ВЕРЫ В ЧЕСТНОСТЬ ВЫБОРОВ СДЕЛАЛИ КОИБ. ДЛЯ ДЕТЕЙ ЭТО ОЧЕНЬ ЗРЕЛИЩНАЯ ВЕЩЬ».

– А как проходит агитация? Копируют ли дети манеры выступать у федеральных политиков?

– У ребят свое видение, и это радует. Очень запомнился 2010 год, тогда три человека претендовали на должность главы совета. Претенденты делали коллажи из фотографий и своей деятельности, у каждого была напечатанная программа, которую раздавали ученикам-избирателям. И, кстати, программы были жизненные, направленные на решение насущных проблем. Накал борьбы был высок! В результате победу одержал Александр Даэгий.

Тогда очень остро стояла проблема переполненности школы. Нужен был спортивный модуль и помещение для начальной школы, которая училась в три смены. Дети участвовали в том числе и в этой работе, защищали проекты от школы, участвовали во встречах с руководителями города.

Благодаря нашим депутатам – выпускнику школы, депутату гордумы Алексею Колмакову и экс-депутату областного парламента Татьяне Семейкиной – мы идею эту смогли воплотить. Появился новый спортзал.

– И все-таки интересно, насколько дети инициативны, в чем вы можете на них опереться?

– Самостоятельность и инициативность детей, к сожалению, сходят на нет. У ребят сегодня поменялись интересы. Например, им не нужны дискотеки. Странно, правда? Не могу сказать, что всю общественную жизнь вытеснили гаджеты, но формы общения меняются.

А вообще ваш вопрос актуален. Именно в этом году мы решили, что с детьми в школьном совете нужно плотнее работать. Сейчас в совет приходят учителя с какими-то вопросами, замдиректора по воспитательной работе, директор. Выступают на заседаниях, просят содействия в решении определенных проблем, связанных со школьной жизнью.

– Ощущается ли разница между «постперестроечным» поколением и детьми «нулевых»? Как дети оценивают себя, свои перспективы?

– Дети сегодня, с одной стороны, очень амбициозные, с другой – сильно ощущают «культуру потребления». Проблема родителей в том, что они свели все свои функции к бытовому. Накормить, напоить, обеспечить всем не-

обходимым и желательно лучшим. Есть и «техническая» проблема: ребенок не заинтересован в том, чтобы знание получить и закрепить. Дети умеют быстро добывать информацию в любой ситуации из разных устройств. А когда выходят на экзамен, оказывается, там нужно знать, а не добывать. Это проблема воспитания. Неслучайно министерством образования России принята программа воспитания в общеобразовательных организациях.

– Гражданская позиция детей меняется? Я помню свое окончание школы в 1990-х, процветал нигилизм, равнодушие ко всему «общественному». А как сейчас?

– В части гражданского воспитания у нас как раз довольно много механизмов есть: дети до сих пор стремятся стоять на посту №1 у Вечного огня, участвуют в шествиях 9 Мая, навещают ветеранов – участников войны не только в мае, но и в течение года. В гражданском самосознании детей всё не так плохо, на мой взгляд. Наши дети активно участвуют в правовых конкурсах, в том числе организуют Инициативную комиссию Иркутской области.

А в 1990-е ситуация была упущена на государственном уровне. Было поколение, которое говорило: «Надо бежать из этой страны, здесь нет перспектив». Сегодняшние ученики эмоционально восприняли присоединение новых субъектов Федерации, на одном дыхании рассказывают про Крым и Севастополь. И оценивают эти события, как в песне поется: «Крым вернулся домой». Мы с учениками много говорим о политической ситуации в мире, и я бы не сказала, что есть нигилизм. У многих преобладает патристический настрой, пусть это звучит несколько высокопарно, но это так.

– Говорят, доступность информации снизила ораторские способности школьников. Вы это чувствуете на уроках?

– Да, форма сдачи итоговой аттестации снизила уровень разговорного мастерства. Сегодня, за редким исключением, на экзаменах пишется краткий ответ. Есть сочинения и изложения, но это 10 лет, которые прошли в тестовом режиме, многое отняли у детей. Естественно, мы, заботясь о результатах, с которыми им в вуз поступать, ориентировались на решение этих схематических, по сути, заданий. Детям не хватает сегодня словарного запаса. Если ребят попросить прочитать «Капитанскую дочку», они что сделают? Правильно, посмотрят в Интернете фильм. Чтение сейчас – редкий случай. Эта проблема замечена: возвращено на экзамены сочинение. Может, что-то еще исправится к лучшему в будущем.

– Статистика говорит о том, что голосовать молодежь не спешит. На ваш взгляд, почему?

– Молодежь у нас не слишком самостоятельная, родители ребят от многого ограждают. Пока они учатся, то думают, что «всё прекрасно, масса жизненных возможностей». И, действительно, ЕГЭ дает возможность поступать не только в вузы Иркутска, но и всей страны. А затем встают проблемы трудоустройства, приобретения жилья, профессиональной реализации. И здесь картина становится не такой безоблачной.

Но вернемся к вашему вопросу про явку на выборах. Много наших выпускников до сих пор живут вблизи школы, они всегда охотно идут голосовать и задом поглядывают с учителями, детства вспомнить. К счастью, мы не участок для пенсионеров.

Мне кажется, свой вклад в укрепление веры в честность выборов сделали КОИБ. Для детей это очень зрелищная вещь. Видно, что ничего куда не может исчезнуть, невозможно подтасовать результаты.

– Видно, что вы всецело погружены в школьную жизнь. Педагогика – это ваше призвание?

– Учителем я стала, можно сказать, случайно. В 11-м классе меня спросили: «Кем хочешь быть?» Я ответила: «Учителем». Учась на 3-м курсе исторического факультета, я уже осознала, что если окончу вуз с красным дипломом, – это прямая дорога в инструкторы обкома партии, во властные коридоры. Но пока мы учились, СССР рухнул, как и КПСС и все партийные структуры. В эту школу я попала по просьбе своей однокурсницы, она уезжала и просила выйти на ее место, я решила попробовать поработать один год. Но сейчас я не поменяю работу в школе ни на что на свете. Здесь другой мир, свой уклад жизни. Бывают трудные дети, бывают интересные дети... Но преподавание затягивает, без него становится скучно жить. Мне уже дважды предлагали стать директором школы, но я отказываюсь. Не готова утонуть в бумагах.

– Что вам нравится более всего в работе?

– Когда у детей всё получается и ты видишь результаты своей работы. Радостно осознавать, что дети, которых ты выучила, поступили, получили специальность, пошли работать, обрели свое место в жизни – это самый главный итог. В этом году было пять лет моему классу, который я выпустила, прошла встреча выпускников. И там я любовалась молодыми талантливыми людьми, которые начинают свой самостоятельный путь. Вот эти ощущения ничем не заменишь.

– А самый трудный момент для педагога?

– Я, конечно, всё могу свести к административной работе. (Хлопает по пачке бумаг.) Вот это заедает: вроде век электроники, а мы должны и в бумаге, и в компьютере все дублировать. Это мешает работе с детьми. Еще сложно бывает убедить родителей в чем-то, у них свое видение. В 9-м классе очень изменились правила итоговой аттестации. Но ни родители, ни ребенок не могут осознать того, что если школьник не сдаст ее, то не получит аттестат. Такого никогда не было. «А вы же сдали, и они сдадут», – говорят родители. А когда приходит результат и мы предлагаем писать заявление на повторный год обучения, у родителей наступает шок. Хотя плохим педагогом себя не считаю, этот момент пока не сумела переломить.

– Говорят, что вы не просто неплохой, а хороший учитель, победитель конкурса «Лучший учитель города Иркутска – 2005». Как удалось выиграть тогда?

– Мне сложно было в творческом плане, я человек больше функциональный: мне легко организовать, провести. На конкурсе же надо было станцевать, спеть или иные таланты показать. Тогда, по условиям конкурса, работа была коллективная, с детьми, возможно, этот момент сыграл свою роль. И вот мы с ними учились вместе выступать. У нас в школе был фестиваль искусств и была очень популярная, но затратная номинация – авангардная мода. Дети делали костюмы и сценические композиции, с проходом, с танцами. Это и было «мое хобби» на конкурсе. Завершили шоу песнями о юкке педагогической деятельности.

– У вас есть профессиональная мечта?

– Даже не могу сказать, работу и работу... Наверное, хочу видеть учеников, которые хотят учиться, такой выпуск был в 2005 году. А сейчас разговариваю с ними: «Зачем в 10-й класс пошел?» «Мама хотела, она настояла», – отвечает. «А ты зачем пошел?» – наступаю я. «А сейчас и докажу, что она не туда меня направила, буду плохо учиться, вести себя плохо», – нахально заявляет ученик. Родители направляют детей по стопам своих мечтаний. Мы сейчас много об этом говорим с родителями, советуем: «Если вы хотите, чтобы ребенок был юристом, а он мечтает стать художником, отправляйте его в художественный вуз». Хочется, чтобы дети поняли ценность образования и то, что результат учебы многое в жизни определяет.